

РИМЕЙК «НОЧНОГО ДОЗОРА» В АМЕРИКЕ БУДЕТ

Известия - 2004 - Сентябрь
- с. 7

Сегодня в широкий прокат выходит фильм «Ночной дозор», телевизионная версия которого выйдет на «Первом канале» позже. Тимур Бекмамбетов, экранизовавший одноименный роман Сергея Лукьяненко, российский зрителю известен рекламой банка «Империал» (про Тамерлана) и клипами Юлии Чичериной, где героиня то устраивает взрыв, то попадает под машину. С ТИМУРОМ БЕКМАМБЕТОВЫМ беседовала АННА ФЕДИНА.

— Как вы относитесь к фантастике?

— Как к правде жизни.

— Фильм по мотивам фантастического романа дает полную свободу воображению. Что вас ограничивало?

— Надеюсь, что вкус. Еще меня ограничивало понимание, что все должно быть настоящим.

— Вы говорили, что фантастика позволяет создать любого героя. Какого фантастического героя создали вы?

— Он фантастически привлекателен. Вообще фантастика — это сказка. Ты делаешь все что хочешь, но в конце концов понимаешь, что единственный путь к зрителю — быть честным и говорить все как есть, не придумывая того, чего нет. Всё фэнтези в фильме очень достоверное, бытовое. Нам важно, чтобы люди не узнали, а пережили что-то новое, поэтому все очень правдоподобно. Чем интересен Лукьяненко, у него все или почти все сделано из настоящих вещей. И мы старались не свалиться в придуманный мир, который не был бы интересен тем, кто не любит фантастику. Мы делали фильм не для любителей фантастики, а для любителей кино.

— В фильме чувствуется ваш клипмейкерский опыт.

— Это тот язык, на котором я говорю. Это то поле, где я крепче стою на ногах. К тому же это современный язык, и современный зритель его любит, знает, понимает. Какова основная задача этого языка? Чтобы не скучно было. А профессия режиссера — это профессия рассказчика, тот, кто увлекательно рассказывает, того и будут слушать.

— Почему вы предпочитаете экшн?

— Любая драма, конфликт проявляется в столкновении интересов. И экшн — самая подходящая форма для изображения человеческих характеров. Человек проявляется только в действии, рефлексия ничего не показывает. Хотя в «Ночном дозоре» рефлексия присутствует, потому что главный

герой переживает из-за своего греха, но он весь фильм действует.

— Судя по завязке, кажется, что фильм продлится больше двух часов. А потом все довольно резко обрывается.

— Мы специально остановили фильм, чтобы потом его продолжить. У нас была снята целая финальная сцена, в которой объясняются все события, завершающие фильм. Но потом мы решили, что объяснять ничего не нужно — пусть лучше люди разойдутся с вопросом.

— Фильм был изначально рассчитан на продолжение?

— Да, и вторая часть уже снята. Есть еще сценарий третьей части. Эта история не имеет отношения ни к «Ночному», ни к «Дневному дозору», это отдельно написанный сценарий. Просто вопрос, поставленный в фильме, требует рассмотрения с разных точек зрения.

— То есть в следующих фильмах вы не собираетесь основываться на трилогии Лукьяненко?

— Мы же не знаем, куда еще забросит нашего героя. И потом, это не мы, это все тот же Лукьяненко, который пишет все новые и новые приключения персонажей «Ночного дозора». А мы с камерой в руках путешествуем по миру, им созданному.

— Зритель, незнакомец с первоисточником, воспримет борьбу «Ночного дозора» с вампирами как оппозицию добра и зла.

— Безусловно. Но это история человека по имени Антон Городецкий, который просто идет своей дорогой, а не философские размышления. Герой попал в этот мир как человек, совершивший плохой поступок, потом оказался хорошим. А каков будет окончательный вывод, узнаем, когда снимем третий фильм.

— Проступок героя Хабенского не остался безнаказанным. Это для вас принципиально?

— Да, есть свобода, а есть ответственность. Все происходит не просто так, за все придется ответить — именно это я хотел сказать своим фильмом. Теоретически мы все знаем, что один поступок влечет за собой другой, но только в кино мы можем наглядно увидеть причинно-следственные связи, объединяющие события, между которыми прошли годы. Хотя во время съемок мы об этом не думали, это я сейчас уже постфактум размышляю. А тогда мы хотели, чтобы зритель поверил в это кино как в реаль-

ность. Моральные категории нас не волновали — кино интересно само по себе. Переделывать мир или кого-то учить мы не собираемся.

— До «Ночного дозора» вы сняли три фильма, причем с большими прожекторами. Почему так получилось?

— Зрителя не было. Зачем снимать? Я стал заниматься рекламой, потому что знал, что ее увидят миллионы людей. Я не сумасшедший, чтобы снимать что-то для себя. «Пешаварский вальс» и «Гладиатрикса» я снимал для Америки, потому что там был зритель. Теперь он появился в России — буду снимать здесь.

— Что же произошло?

— Появились кинотеатры, и все обрело смысл, потому что кино и зрители, существующие раздельно, нелепы. Но есть еще одно обстоятельство: такая большая страна не может жить без своих мифов. Кино необходимо для того, чтобы такое большое количество людей осознало себя как единое целое.

— Иностранцы могут создавать такие мифы?

— Нет, они не про то рассказывают, они говорят о себе. Кино очень конкретная вещь: если рассказывают неправду или правду, но не про тебя, зритель мгновенно это чувствует.

— Кино не универсально?

— Оно может стать универсальным, но для этого нужно, чтобы вначале у него был свой зритель, который бы на него откликнулся и на голос которого можно было бы двигаться. Без общения с аудиторией кино блуждает во мраке.

— Так чем же Антон Городецкий, который совершает плохие и хорошие поступки, решает моральные проблемы, русский, а не американский герой?

— Я думаю, что римейк «Ночного дозора» в Америке будет. Действительно, такая история могла произойти где угодно, но ведь в фильме действие разворачивается в спальных районах, которых мы так стесняемся. Мы показываем наш быт, который часто называют убогим, наши машины, которые не такие красивые, как иномарки. Но когда они начинают кувыряться в воздухе, то оказываются совсем необыкновенными, даже мифологическими машинами. Да и дома в спальных районах Москвы ничуть не менее достойны внимания, чем дома в Венеции или в Нью-Йорке.